

Бабушка, мой милый ангел,
Мой хранитель на века.
Ты в каком небесном ранге
Так незримо далека...
В керамическом овале
Образ твой и чист, и свят.
Там, куда тебя позвали,
Адресов не говорят.
Где теперь тебя искать мне?
Здесь ли следующий дом?
Белый памятник из камня
Не сдаёт дома внаём.
Над могилкой месяц ранний
Озаряет город Брест.
Вновь сочится старой раной
Нарукавный красный крест.
Под лихим огнём вставая,
Забывая боль и страх,
Воевала фронтовая

Медицинская сестра.
Выносила с поля боя:
“Братец, миленький, держись!”
Снились небо голубое
И бинты длиною в жизнь
И в одну шестую суши.
Спит душа...
Проснись, страна!

Ангелы поют всё глуше...
Всё морозней тишина...

* * *

Помню поезда общий вагон:
Полка верхняя, полка нижняя;
Дед рассохшимся сапогом
Подпирает корзину с вишнями.

Кто-то спит, калачом застыв;
Кто-то в карты всю ночь играет.
Телеграфных столбов кресты —
Горизонт без конца и без края.

Полустанок. Тревожная тишь —
Будто воздух из вечности соткан.
— Ты куда, шепутная, летишь?
Захотела под поезд, красotka?

Заскочила в вагон навзрыд:
— Я уж думала — всё... Не уеду.
Взвыл гудок, покатались дворы
По колдобинам дымного следа.

Сверху — карт козырной переплёт,
Снизу — ягод дыхание пьяное.
А в стекле — отражение слёз
И подлунный пейзаж с бурьянами.

МАЙ СОРОК ПЯТОГО

Барахолка в обугленной каменной крошке.
Суетливые фрау в переднем ряду:
— Дивандеки, наряды, губные гармошки...
— Битте, битте, зольдатен... — в обмен на еду.

Принимало трофеи голодной украдкой
Вещмешка холостое нутро:
Фройлен-кукла, чулки, перстенёк, шоколадка,
Портсигар. Позабытый патрон.

До Берлина с боями шагали три года,
А обратно — в теплушках за пару недель.
Подступали полком, а разъехались взводом.
Хорошо, что весна. Не метель.

Под напевную сказку медалей негромких
По пути вспоминал уцелевший отряд,
Как ходили в атаку и как похоронки
Устилали победный “Ни шагу назад!”

И души огневая бетонная точка
Наконец оживала, в боях прожжена,
Когда новую куклу баюкала дочка,
И в чужой фильдекос наряжалась жена.

* * *

Разрастается город — смыкает бетонную цепь.
Заковав небеса, стал безлик и высок он.
Потерялась душа, и на новом стеклянном лице
Гипнотично мерцают созвездия окон.

Этажи. Гаражи. Магазинов ночных стеллажи —
Леденцовая ширма трущобного рая.
Охраняют твоих миражей рубежи
Облака воронья. А орлы умирают.

Вязкий призрачный город, ты, как паразит,
Подсадил на крючок и, баюкая, шепчешь: “Не больно...”
Омертвевшею плотью в твоих небоскрёбах сквозит.
Умирают орлы. Вороньё раскричалось довольно.

Под слоями бетона томятся родные луга.
Солищёрным токсином отравлены воды.
Раздаются всё шире подземной реки берега.
Размывает страну. Разъедает породу.

Вольный ветер, нужны тебе эти чертоги до звёзд?
Ты же веешь над всем окоёмом без малого вечность...
Ты сметёшь всё на свете, и сгинет из каменных гнёзд
Воронья ненасытная нечисть!

Вспомни, Русь! Ты святыми корнями в земле
И зелёным побегом колышешь звезду на востоке.
Ты сама себе Солнце, и в вóлнах пшеничных полей
Твоя жизнь и твои золотые истоки.

Велика ты, Россия! Терпением благ твой народ.
Широтою души он подобен степному простору.
Он снискал себе веру, молясь у небесных ворот.
Так зачем на земле ему призрачный город?!

* * *

Воскресенье. Родное село. Девяностые годы.
Привезли семена на рассаду и первых цыплят на базар.
Гроыхнуло ведром — кто-то вышел из дома по воду.
И тотчас пролилась над степным захолустьем гроза.

Хлестануло стеной по товару в нехитром развале.
Утекли в закипевшую грязь помидорные всходы с лотков...
Разметало коробки с птенцами. И бабы в тепле горевали,
Что весенним ручьём посмывало, поди, цыплаков.

А гроза бесновалась, стреляя небесной пищалью.
Продавцы по машинам совали добро в закрома.
А у местных мальчишек истошно фуфайки пищали,
Пока шли по селу и тащили улов по домам.